

18+

НА ВЫСОТЕ ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ МЕТРОВ

АНТОН ХАПИЛОВ

Антон Хапилов

На высоте десять тысяч метров

«Издательские решения»

Хапилов А. В.

На высоте десять тысяч метров / А. В. Хапилов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980803-5

Вся жизнь, как непрерывный поиск себя, может стать либо идеей фикс, либо сном наяву, либо прогулкой в небе, за облаками, где только и может родиться надежда на спасение... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-980803-5

© Хапилов А. В.
© Издательские решения

На высоте десять тысяч метров

Антон Владиславович Хапилов

*...все, что я думаю на этот счет,
очень мало значит в сравнении с тем,
что должно быть на самом деле,
нравится это вам или не нравится.*

*Хулио Кортасар.
Игра в классики*

© Антон Владиславович Хапилов, 2026

ISBN 978-5-4498-0803-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я нашел на антресолях картонную коробку. Внутри были старые журналы по психологии, газетные вырезки, платежные квитанции. Зачем нужны газетные вырезки? Ворох квитанций еще можно объяснить, но хранить их резона нет. Я засовываю руку в это бумажное море и достигаю кистью дна картона. Подушечками пальцев нащупываю стопку листов и вынимаю их на поверхность. Что это? Неужели мои записи? Им, верно, лет десять... Отодвигаю коробку в сторону ногой и прохожу несколько шагов по коридору. Теперь можно сесть на краешек тумбы для обуви и рассмотреть записи поближе.

На высоте десять тысяч метров все остальное несущественно. Ровные геометрические линии полей и лесов, серебристые змейки рек, зеркала озер. Мир, простирающийся вниз, бесконечно красив и загадочен. Я смотрю сквозь стекло иллюминатора на землю, и она у моих ног, скорее даже под ногами, под моим телом. А я не один. Со мной жена и маленький сын. И еще под сердцем супруги лежит крохотный человечек — наша дочь. А значит, нас четверо, и мы летим в гости к папе, в Краснодар.

— Когда мусор соберешь? Что сел, выноси...

— Да подожди ты...

Вот моя жена всегда появляется в самый «нужный» момент. Внутри нее существует некая странная форма интуиции, доставшаяся женщине с самых незапамятных времен. Тогда это помогало им быть не съеденными хищниками. Сейчас они просто наслаждаются даром, ставшим бесполезным в наше простое время. Я смотрю на нее. Одета по-простецки, она будто вся в движении. Даже сейчас, в миг, когда она остановилась, чтобы пожурить меня, подтолкнуть к активному действию, все ее тело словно пульсировало, стремясь тронуться с места и помчаться на скоростях. И я покоряюсь. Сворачиваю найденные листки в трубочку и сую их в сумку. Затем беру два пакета с мусором, прихватываю ловким движением картонную коробку с ворохом квитанций и старыми журналами по психологии, вставляю ноги в старые шлепанцы и выхожу на свежий воздух.

На улице хорошо. Самый разгар лета. Шлепаю по дороге, свободный и слегка озадаченный. Я думаю о рукописи, найденной на антресоли. «На высоте десять тысяч метров все остальное несущественно...» Пожалуй, здесь не поспоришь. Нет назойливых кредиторов, стареющих одноклассников, грустных соседей. Зато рядом был сын и была беременная жена. Мы смотрели в проем иллюминатора, вниз, на нашу бrenную землю и были, возможно, счастливы

в это самое время. Я думал о предстоящей встрече с отцом, а жена плакала. Загорелая, в легком белом платице, она роняла слезы, и они текли по ее щекам. Светлые волосы были собраны в легкий пучок, пряди выбивались и причудливо вились. Солнце светило в салон сквозь стекло иллюминатора и, задерживаясь в непокорных прядях, создавало вокруг загадочное свечение. Это было неожиданно трогательно. Так эта тихая женщина оплакивала расставание с домом. Хотелось ее понять. Сын мельком взглянул на застывшую слезинку на щеке матери и продолжил движение по нашим креслам. Стюарды пристально следили за ним. Энергии сына хватило на весь полет. Только перед самой посадкой он задержался у иллюминатора. Самолет выплыл из серой ваты облаков и оказался над изумрудной гладью моря. Снижение происходило стремительно и бесповоротно. Мне казалось, что я видел лица отдыхающих, заходящих в море. Затем самолет пролетел над железной дорогой, крышами частных домов, дорогой, затем еще одной дорогой, а потом сел на взлетную полосу, взявшуюся неизвестно откуда.

Примерно так все и было. Приземление впечатлило меня чрезвычайно. Я видел Сочи как на ладони, но этот быстрый пролет большого самолета не позволил охватить мелочи, как это было бы возможно при проезде в люльке канатной дороги над улицами курорта. Тогда бы я смотрел на каждый частный дворик и видел, как пьют вино отдыхающие, удобно расположившись в шезлонгах под сенью деревьев. Как бабушки торгуют семечками у входа магазина. Видел бы вальяжных курортников, спящих на деревянных лежаках у самой кромки моря.

В зале аэропорта мы стояли около транспортной ленты в надежде поймать свой чемодан, а сыншишка все носился, охваченный прекрасным мигом путешествия. Я повернул голову, следя за его бегом, и увидел отца. Он стоял в очереди встречающих и смотрел на нас сквозь роговую оправу очков. Высокий и подтянутый шестидесятилетний мужчина в белой рубашке наблюдал бег внука. А я, будучи сыном, разглядывал папу. Мне стало грустно, но я утешал себя мыслью, что все обойдется, отпуск пройдет ладно и мы вернемся назад. А что нам помешает вернуться назад? Я беру с ленты чемодан, и мы идем в сторону встречающих.

Вблизи мусорных баков я притормаживаю. Надо же, как разыгрались мои воспоминания о поездке к морю восьмилетней давности. А ведь было — словно вчера. Я отвожу руку с пакетами чуть в сторону, а затем быстро выкидываю ее в сторону бака. Пакеты по нормальной траектории летят, тесно прижавшись друг к другу, словно не желая расстаться, и грохаются на дно, отскочив от стенки бака. Вполне сносный двухочковый бросок. Затем я наклоняюсь и ставлю коробку на асфальт рядом с баком. Бросаю на коробку прощальный взгляд и отправляюсь в обратный путь.

Папа мой всегда был человеком серьезным. Поэтому наши с ним взаимоотношения можно было бы охарактеризовать как никчемные. Он как человек послевоенного поколения достигал всего сам. Школа, институт, работа. Он строил дороги и занимался этим всю жизнь. Главной своей заслугой он считал то, что не вступил в партию. И был беспартийным все время, до самого конца эпохи советской власти. Меня он считал бездельником. По правде сказать, я и был им. А что делать? Мой инфантилизм завел меня столь далеко, что однажды я потерял все, оставив себе только душу. Какое-то время это было моим вызовом отцу, мстью каверзной и страшной. Я отторгал этот мир с отчаяньем нонконформиста, а по сути просто трусил. Я был обыкновенным бомжом.

— Ты где был?

Жена внезапно появляется из-за угла коридора.

— Мусор выносил... Ты же видела меня с пакетами...

— Пиво пил?

Подходит почти вплотную. Теперь она похожа на сотрудника ГАИ, пытающегося поймать нерасторопного водителя на предмет наличия алкоголя. Даже нет, не алкоголя, а наличия самого запаха. Водит носом, явно принюхиваясь. Я смело шагаю ей навстречу.

— Это допрос?

Хочется поиграть с ней, устроить словесную перепалку и победить легко и иронично.

— Надо съездить за продуктами...

Она резко меняет направление разговора. Опять в стиле сотрудника ГАИ. Именно они задают внешне не связанные между собой блоки вопросов, сбивая с толку. Прекрасный психологический прием.

— Я же пива выпил...

Жена, почти уже убаюканная будущими покупками, застывает в растерянности. Но интуиция вновь приходит на помощь женщине.

— Значит, поедешь в магазин на автобусе...

Она разворачивается и исчезает за поворотом. Начинает работать двигатель пылесоса. Плоская шутка неожиданно даровала мне еще несколько часов свободы и возможности побыть наедине с собой. Я получаю спустя десять минут список продуктов, нацарапанный на помятом тетрадном листке, и вновь выхожу на улицу. Рядом, за забором, стоит наш семейный автомобиль марки «Рено». Я открываю дверцу, сажусь за руль и поворачиваю ключ зажигания. Двигатель начинает работать. В это время из-за угла дома выбегают мои детки. Сын и дочка. Они несутся к машине, и улыбками светлы их замечательные лица.

— Папа, ты куда?

— Я в магазин...

— Купи чего-нибудь вкусенького...

— А можно с тобой?

— Друзья мои, играйте у дома, хорошо? Я скоро буду...

Теперь они уже несутся обратно, а за занавесками виден застывший абрис лица жены.

Мой папа всегда обладал большим даром выражать свою точку зрения и делал это горячо, вкладывая голос и эмоцию. За это его и боялись люди близкие. Он был тираном, только тирания его была особого свойства. Папа настолько привык к существующему положению, что громкий окрик его могли вызвать любое слово, мысль, просьба, неверные с папиной точки зрения. Он был цензором, а порой и цербером, стоящим на страже своих идей. Эмоционально отстояв свои позиции, отец успокаивался, и жизнь текла в обычном ритме. В быту он был неприхотлив. Но все семейные знали о его тиранских замашках и научились преодолевать взрывы пароксизма силой своей привязанности к папе. Они решили, что так тому и быть. Дескать, в этом большом мире все происходит с некой целесообразностью и крик есть одно из этих проявлений, как и плач, смех и молчание. И еще неизвестно, что бывает хуже.

— Привет!

Отец жмет мне руку и улыбается идущей следом жене. Сын пробегает совсем рядом, и я, расцепив рукопожатие, опускаю руку на хрупкое плечо сорванца. Это останавливает его, но тут он замечает перед собой лицо, казавшееся ему до боли знакомым.

— Вот, — говорю, — дедушка за нами приехал...

Отец секунду разглядывает внука, а затем наклоняется, аккуратно захватывает его руками и поднимает. Теперь внук разглядывает деда буквально вблизи. Они смотрят друг на друга, и я невольно думаю об эстафете поколений. Своеобразное клише оказывается как никогда кстати. А в это время сын начинает стремиться с рук вниз, на землю, и дедушка исполняет его желание. Мы выходим из громадного здания аэропорта и оказываемся окутанными

горячим воздухом. Этот воздух плывет прозрачной массой, проникает под одежду, вызывает жажду и потоотделение. А ведь мы еще не вышли из-под козырька аэровокзала.

В магазине я беру тележку и начинаю брести вдоль торговых витрин. Приходится лавировать между других обладателей торговых тележек. Сделав несколько удачных маневров, я достаю из кармана послание жены с перечнем продуктов. Что там у нас первым? Корень имбиря. Жена его очень любит. Она натирает его на терке, заваривает в чайнике и пьет. Я вспомнил, как на юге одни знакомые хлопцы приглашали меня пойти в лес за корнем мандрагоры. Я засомневался в целесообразности и отказался, так как читал, что корень этот выростал в том месте, где висел покойник. Прямо под ним. И по форме напоминал человека. А когда корень пытались достать из земли, он стонал, словно умирающий страдалец. Знакомые ребята с интересом прослушали мою мини-лекцию, посмеялись и пошли в лес сами. Моя мистика сыграла со мной плохую шутку. А ведь я бы мог прикоснуться к тайне корня. Хотя корень имбиря тоже смахивает на маленького человечка. И я могу взять его в руки. Что я и делаю.

Отец всегда любил красиво одеваться. Но был неразборчив в марках и брендах. Больше предпочитал полагаться на цвет и фасон, находя подходящую одежду на рынке. А на рынке всегда был дешевый ширпотреб, сшитый в подпольных цехах. Так было в девяностых, когда любая вещь была снабжена модным лейблом. Так и теперь, в новом веке, внезапно наступившем уже семнадцать лет назад. На папе были белая рубашка, светло-кремовые штаны и песочного цвета танкетки. Вкупе с тяжелыми темными в роговой оправе очками и белым автомобилем он выглядел вполне органично. Вот только я испытывал тревогу, и в этом у нас с супругой было полное соответствие, некая тайная связь. Жена смирилась с потерей родной земли и теперь искала в себе силы обрести новую. К сожалению, процесс ее искания затянулся надолго. Можно сказать, что она вздохнула спокойно, лишь возвратившись домой. Солнце было в зените. Жара стояла невероятная. Так мне показалось тогда. Лишь оказавшись в салоне автомобиля, когда папа завел двигатель и включил систему кондиционирования, я почувствовал облегчение от южного лета.

Свекла, лук, филе курицы... Я уже волочу тележку, держа ее одной рукой. Значит, жена хочет сварить борщ. Постепенно тележка наполняется искомым товаром. Невдалеке я замечаю такого же бедолагу с тележкой. Он теребит в руках бумажку со списком продуктов, пытаясь читать. У его подруги явно плохой почерк. Женщина с плохим почерком не подарок. Школьная усидчивость девочек общеизвестна. Именно симметрией почерка шлифуется будущее семейное благополучие. Приятные округлости гласных идеально сочетаются с горизонтальными линиями глухих согласных. Я наклоняюсь к листку в своих руках, ища подтверждения мыслей о каллиграфии и ее роли в жизни людей. К моему ужасу, слова, написанные рукой моей жены, понимались мной с трудом. Теперь любая моя ошибка в прочтении может завершиться скандалом на пороге дома. Неужели простая детская неусидчивость на продленке запустила процесс нонконформизма моей жены? Да нет, нормальный почерк, я зря грешу. Все хорошо. Я расплачиваюсь на кассе и в миг, когда засовываю сдачу в кошелек, вижу, как смятый клочок бумаги падает из тележки на серую плитку магазина.

Город Сочи проносится за окном. Папа включает магнитола, и салон наполняется голосом Вертинского. На дисплее высвечивается список песен, и я замечаю, что все они исполняются Александром Вертинским.

Папа улавливает мое недоумение.

— В последнее время увлекся русской песней. Решил собрать записи Лемешева, Вертинского, Шаляпина. Вот это кто поет?

— *Вертинский?*

— *Правильно. Вертинский... А у него ведь судьба нелегкая была. Он же эмигрировал после Революции. Помыкался-помыкался на чужбине и вернулся. Сталин его вроде не трогал, но приходилось давать по двадцать концертов в месяц. Еле сводил концы с концами. У него дочери стали актрисами известными. Умер после концерта, в гостинице. Сердце не выдержало.*

Отец рассказывает историю певца Вертинского и ведет автомобиль, закладывая крутые виражи на узкой горной дороге. Со стороны пассажирского сиденья нависает нескончаемый горный склон, а с другой стороны — лазурь моря, уходящего за горизонт.

— Папа! — дочка слышит, как я открываю входную дверь, бежит ко мне и обнимает за ноги.

Из полуоткрытой двери комнаты выглядывает сын:

— Ты что-нибудь купил?

Этот сакраментальный вопрос является частью нашей тайной игры. Я приношу из внешнего мира маленькие подарки, обычно сладости, и мои детки спрашивают меня, а затем получают эти сладости и с удовольствием поедают. Можно назвать это ритуалом, шутейным, естественно, ненастоящим. Всем известно, что сладкое вредно. Я достаю из пакета две блестящие конфеты и вкладываю их в протянутые руки. Дети убегают, шуриша на ходу обертками. Когда я выпрямляюсь, то оказываюсь лицом к лицу с супругой. Она разглядывает меня с явным неудовольствием.

— Ты пьяным сел за руль? Хоть бы тебя гаишник оштрафовал...

Затем переключается на пакет с продуктами. Для начала заглядывает внутрь, распрямив верхнюю часть пластика для удобства. Затем засовывает внутрь руку и сдвигает в сторону продукты, лежащие наверху, чтобы увидеть находящиеся под ними. Такая своеобразная инспекция тоже претендует на ритуал. Здесь весь дом пропитан ритуалами.

— А зачем ты два масла взял?

— Я ведь не пил пива...

— Что?

У нас явное недопонимание в семье, и у этого явления давние традиции. Боюсь сказать слово «ритуал», так как злоупотребляю этим словом по разным поводам. Сакральные слова и действия меня уже утомили неимоверно, и самое лучшее, что я могу сейчас сделать, — это включиться в процесс уборки дома.

Машина движется по серпантину горной дороги. Теперь мир вокруг воспринимается через свет горящих фар. Из темноты появляются населенные пункты, ютящиеся по обе стороны дороги. Поселки кажутся пустынными. Только свет в некоторых окнах говорит о наличии жизни. Темнота на побережье наступает сразу же после захода солнца. Так выключают свет в комнате. Постепенно зрение привыкает к темноте, и приходится косить глазами, пытаясь поймать очертания предметов. Сторону моря можно угадать, а крутые склоны гор освещаются светом фар, словно мощным фонариком. Свет скользит по основанию гор, и я вижу сплошной строй деревьев, уходящих далеко вверх.

Иногда я бросаю украдкой взгляд на своего папу. Он сосредоточенно ведет машину в полной тишине. Все темы для разговора плавно сошли на нет. Сын спит в кресле, жена тоже прикрыла глаза, явно уставшая от долгого переезда. А я смотрю на своего отца и вижу его профиль. Отец внимательно смотрит на дорогу, понимая меру ответственности за жизнь близких людей. Рот слегка приоткрыт. Роговая оправка очков кажется излишне громоздкой на его бледном лице. Насколько мы близки с ним? Всегда хочется думать, что внешняя скудность проявления эмоций говорит о силе характера, скромности и неприхотливости. Как у героя

Клинта Иствуда в американском вестерне. Каменность лица подчеркивается легким прищуром глаз, играющих роль объектива для восприятия внешнего мира, кишящего бандитами и лицемерами. А как быть, когда нет никого вокруг, и ты стоишь, как перст, один на столбовой дороге, и прищур не сходит с твоего лица? Кто этот человек для меня кроме того, что он поучаствовал в появлении на свет? Все эти вопросы многие годы не дают мне покоя. Я волнуюсь и теряюсь перед этим человеком. Мне проще уйти далеко прочь, чем...

Можно долго перечислять преимущества семейной жизни, но главным из них я бы назвал сон в своей постели. После всех мирских дел и треволнений, ссор с любимой женой и примирений, выполнения просьб и приказов неизвестного характера накапливается усталость. Еще немного времени на игру с детьми. Затем укладывание детей в их кровати, ох как я завидую им тогда. Если они устали, то процесс засыпания наступает почти мгновенно. А если нет, то надо читать сказки или сочинять их на ходу. Это дело непростое, но подвластное мне. Последним препятствием перед вожденной кроватью встает жена. Но я не отчаиваюсь, а смело бросаюсь в бой за свое право уснуть в своей постели. Прохождение лабиринтов женского разума является, по сути, неким духовным испытанием. Да, это тяжелый труд, и даже логические парадоксы сократиков становятся чем-то легким, почти невесомым, из школьной программы первого класса. Но в этом и прелесть. Жена думает, что я грубый и недостойный человек. Я не дарю ей того тепла, которого она достойна. С этим я согласен. Ну зачем рвать волосы на прозрачной голове и предаваться экзальтации в столь позднее время? Не лучше ли найти примирение в кровати? Именно этот простой риторический прием возымел воздействие, и жена моя идет принимать ванну, а я отправляюсь в постель. Лишь только голова моя касается прохладной поверхности подушки, я впадаю в дремоту.

— Ты что, спишь?

Жена забирается под одеяло и склоняется надо мной, касаясь влажными прядями волос моего лица.

— Нет... Я жду, когда ты придешь...

— Пришла...

— Хорошо...

Я обнимаю ее.

Идиллия всегда рисуется оптимистично. Скромные шероховатости приобретают вид одного из достоинств, а глупое молчание выдается за скрытый ум, наличествующий у собеседника. Иногда приходится дорисовывать и такие прекрасные сюжетные повороты. Только лишь то и правда, что супружеское ложе становится болезненной возможностью обрести перемирие и покой. Чего не хватает нам в этой короткой жизни, в этом миге земного существования, спрашиваю я себя и не получаю ответа. Неужто все так плохо, спрашиваю я себя. И как все изменить? Голова моя забита мыслями до отказа. Выходит, я плохо обучаем, раз не могу справиться с задачей и обрести такую малость, как семейное счастье. Тогда есть смысл домечтать этот мир. Сделать его ярче, пожертвовав действительностью в угоду странной фантазии. В этих мечтах персонажи податливы, скорее угодливы главному герою. Все движение подчинено личной гармонии эгоиста. Его фигура монументально возвышается над окружающей местностью и парит, облаканная всеобщим ликованием второстепенных персонажей.

Сын — это моя радость. Однажды посреди зимы, больше похожей на осень, жена родила его, проведя в борьбе с акушерками и с собой полчаса. Я все это время ходил по крохотной комнатке провинциальной больницы, расположенной на первом этаже, и мысли мои были скудны и нелепы. Над головой, где-то из глубины больничных палат, шел смутный шум,

и я связывал это в единую ниточку, взяв за жене помощи свъше. Потом все прекратилось, за дверью зашаркали шаги, ключ щелкнул пару раз, и на пороге возникла заспанная медсестра.

— Что стоишь? Иди домой... Сын родился...

Что испытывает мужчина, узнав вдруг о том, что он стал отцом? Наверное, радость и душевный подъем, желание петь и плясать, полностью отдавшись охватившему внезапно порыву, — так джигит танцует зажигательную лезгинку, являя собой высший пример такого рода проявления чувств. Я закурил, и мне захотелось спать. Неужели это все? Задавшись этим вопросом, я вышел на ночную улицу и увидел, как ветер беспощадно гнет деревья и раскачивает фонари, заставляя свет плясать по асфальту и замерзшей траве. Зима, похожая на осень, шумела волнами где-то там, на берегу, и звезды были засланы рваными облаками, несущимися в ночном небе. Сама природа будто отплясывала безумный и удалой горский танец, захватив меня в свою круговерть и толкая то в спину, то в плечо, заставляла двигаться, словно в танце.

— Сын родился! — крикнул я рабочему заправки, пробегая, подгоняемый ветром.

— Поздравляю... — ответил мне то ли голос, то ли шум моря, едва уловимый за спиной.

Танец длился и длился, не ведая усталости. Я, находясь в центре этого круга, вдруг вспомнил жену, оставшуюся где-то там, вдалеке. Я явственно представил ее лежащей на неудобной больничной койке в полутемной серой палате, и в руках она держит только что родившегося сына. И крохотный сын пьет из ее груди молоко... Остановилось случайное такси.

— Сын родился!

Сейчас это был мой пароль, ключ ко всему внешнему миру, пролетающему за стеклом автомобиля.

— Поздравляю. У меня двое... — говорит таксист и уносится в темноту.

На пороге тещи, ссутулившаяся, в длинной ночной рубашке.

— Сын, — говорю я ей и бреду спать.

Рождение сына стало первой невидимой нитью, связавшей мою душу и душу моей жены между собой. После нескольких лет, проведенных на дне жизни, я обрел женщину, а женщина подарила мне сына. В середине декабря, примерно в один час ночи, я вышел на улицу из комнаты ожидания районной больницы. Дул сильный ветер, и в этом буйстве я видел истинный тайный знак языческого единения человека и природы. Я был вымотан и опустошен, но на дне моей уставшей души растекалась тихая радость. Моя жизнь продолжается. Так говорил я себе и шел, обдуваемый всеми ветрами, по сухой и мерзлой земле. Я просто брел, и мысли почти исчезли из моей головы. Мне показалось, что я вот так, как путешественник Конюхов, обойду всю землю, если меня не остановить. А потом я устал и жутко захотел спать. Дома в полудреме мне привиделась моя жена с сыном на руках. И я уснул.

В какой-то момент ночь поглотила все вокруг. Мы мчались по горной дороге, и только фары автомобиля делали этот мир материальным. Я несколько раз ловил себя на мысли, что предательски дремлю и оставляю отца в одиночестве. А ведь он еще ехал в аэропорт и, значит, устал более того, чем мы. Но он был бодр и крепко держался за руль, слегка наклонившись вперед. Наверное, это говорило о концентрации и напряжении. Я вновь прикрыл глаза лишь на секунду, а когда открыл, то увидел, что машина стоит перед железными воротами. Ворота начинают откатываться в сторону. Мигает лампочка, установленная на вершине стойки. Машина въезжает на территорию и останавливается под большим кирпичным навесом, соединенным с двухэтажным домом общей стеной. От долгого сидения ноги стали непослушными, и я пытался размять их, вышагивая на небольшом пяточке у машины. Было

тепло, даже скорее душно вокруг, и в воздухе витал аромат неизвестных мне цветов. Скрипнула дверь за спиной, и на пороге появилась женщина в простом цветастом халате.

— С приездом...

Иллюзия моей новой жизни началась вполне оптимистично. Бездомность, наступившая после продажи квартиры, была для меня чем-то вроде штампа в паспорте, который фиксировал утрату прописки. Более сложной процедурой была раздача имущества, нажитого мамой за прежние время жизни. Шкаф, диван, холодильник, стулья и посуда. А еще книги. Я раздавал вещи, словно человек, получивший вид на жительство где-нибудь в США. Приходили знакомые, и я встречал их на пороге. Затем проводил в комнату и предлагал взять ту или иную вещь. Отдавал безвозмездно, словно щенков в хорошие руки. «Чемоданное» настроение позволяло не думать о будущем, которое наступило уже сегодня, и пить вино, засыпая и просыпаясь по велению организма. Так я прожил в проданной квартире еще несколько недель, а затем погрузил остатки утвари на машину друга и переехал к другу на дачу. Перед отъездом я последний раз зашел в пустую квартиру. Две комнаты и небольшая кухня показались мне вдруг незнакомыми. Все это время они были наполнены мебелью, коврами, занавесками на окнах. Большой телевизор в углу, и столик на колесиках посреди комнаты. Дом наполняли предметы, а теперь, когда предметы вынесли, я стоял в пустом замкнутом пространстве стен и мне было бесконечно грустно. Захотелось заплакать от бессилия и глупости, но на дворе уже начиналась весна, дарующая надежду на лучшее.

Жизнь в дачном поселке сулила спокойствие и едва уловимый душевный покой, совпавший со вселенским пробуждением природы от холода и серости зимы. Оторвавшись от привычного мира, я с радостью взирал на проклевывающиеся из клейких бусинок почек листочки, нежно-зеленую траву под ногами, вдыхал чистый, едва согретый ранним солнцем воздух. Дача являла собой крепкое двухэтажное строение с несколькими комнатами и камином в зале. Колодец во дворе, с десятков фруктовых деревьев и деревянный клозет были обнесены забором. В центре возвышался каменный мангал, а в глубине торчал остов незаконченной бани. По утрам я умывался из ведра, кушал и отправлялся к морю, прихватив книгу и сунув в карман пачку сигарет. Дачный поселок был не просто большим, он был огромным, вытянувшимся вдоль моря на несколько километров клочком земли, поделенным и застроенным счастливыми обладателями шести соток. Когда-то участки раздавала советская власть, награждая достойных трудящихся и провинциальную интеллигенцию.

Домики, построенные во времена этой власти, были видны и узнаваемы с первого взгляда. Их отличали скромность и лапидарность. Это были одно-, двухэтажные строения, созданные своими руками. Примерно так строил дядюшка Тыква в итальянской сказке. Где-то доставался кирпич, затем шифер или доски. Все зависело от фантазии дачника и его возможностей. Основным посылом к стройке был именно дачный интерес. Место хранения садового инвентаря. Необходимо было создать дом, а затем вскопать землю и посадить в нее картошку и лук. По периметру высаживались фруктовые деревья, и все это окружалось деревянным забором. В советское время дача была экзотична и вполне утилитарна. Но все изменилось с приходом капитализма. Земля стала стоить дорого, ведь море буквально плескалось за дачным забором. Теперь дома строились с эпохальным размахом. Это были уже дома для комфортного проживания. Богатые люди потянулись на побережье коротать свободное время. Теперь это можно было делать круглый год. В результате дачный поселок разросся до гигантских размеров.

— С приездом...

Я оглянулся на тихий голос и увидел простоволосую женщину в легком халате, стоящую в проеме двери. Это была жена моего отца. Мы знакомы с ней с момента моего первого приезда — двенадцать лет. Она почти не изменилась. Пусть это будет моим мысленным комплиментом, обращенным к ней. Она делает несколько шагов вниз по ступенькам, и мы неловко обнимаемся. Я человек высокого роста, и она поднимает вверх голову, чтобы посмотреть мне в лицо. Так мы стоим некоторое время, а затем расцепляем руки.

Сын крепко спит на заднем сиденье автомобиля, и я осторожно беру его на руки, вношу в дом и поднимаюсь по лестнице на второй этаж. Впереди идет жена отца, она указывает мне дорогу. Позади меня идут отец с чемоданом в руке и моя жена с дорожной сумкой через плечо. Процессия движется в полной тишине. На часах два ночи.

Летом рано светает, поэтому вставать с постели легко. Примерно в половине шестого утра я поднимаюсь, быстро надеваю спортивные трусы, толстовку с капюшоном, кроссовки на босу ногу и выхожу на улицу. Еще со времен своего спортивного детства я всегда бегал. Бегал на тренировках и на соревнованиях. Бегал босиком по песку вдоль кромки прибоя и по извилистым лесным тропинкам. Еще я бегал в сапогах. Это было в армии. Именно там надо было бегать каждое утро, в течение двух лет. Основной особенностью бега того периода были портянки. Как бы ты их ни наматывал на ногу, все равно они сползали со ступни вниз, в район пальцев ног, оголяя пятки и создавая дискомфорт в момент бега. В городе Несвиже зимой была температура минус двадцать, и ранним утром наша рота выстраивалась по взводам и мы бежали, держа строй по заснеженной дороге, вокруг замка Радзивиллов. Было так холодно, что воздух сиял от белоснежного инея, висящего в воздухе, словно туман. В такие моменты физического напряжения моя армейская душа содрогалась от масштаба происходящего и его неотвратимости. Я был домашним мальчиком, и бег зимней порой остался тяжелым испытанием в моей закаленной душе. Теперь каждую зиму я мечтаю о наступлении лета, времени, когда я надену кроссовки и побегу неспешной трусцой ранним июльским утром. В это время природа еще не проснулась. Легкий туман висит над землей. Солнце только начинает свой путь по видимой части горизонта. И птицы щебечут, спрятавшись в кронах деревьев. И я бегу один-одинешенек, скорее даже не бегу, а трушу по асфальтовой дорожке навстречу рассвету.

Я шел на встречу с морем, уверовав в необходимость встреч, словно ища утешения у воды, видя ее силу и напор. Мне казалось, что море тоже одиноко. Наверное, я искал оправдания своей слабости. Среди песчаных дюн и соснового леса было хорошо, а шум прибоя отдавался в моей душе тихой музыкой. Я ощущал себя одним из героев произведений Кнута Гамсуна, непонятым и покинутым. Я бродил у воды, собирая камушки, курил, опустившись на прохладный песок, и смотрел вдаль. Однажды приехал друг по колледжу и привез немного денег. Мы пошли к морю. Был жаркий день, и пляж был полон людей.

Он сказал:

— Хочу, чтобы ты выпил водочки. Я не могу — за рулем.

Прохладный алкоголь подействовал положительно, и я разговорился, наверное, устав от долгого молчания. Я вдруг стал рассказывать о Сергее Довлатове, книги которого «поразили меня просто в сердце», но друг лишь улыбнулся моей сентиментальности, признавшись, что читает совсем мало, времени нет. Я понял, что он не читает вообще. Это не говорило о его глупости и неведении, просто так сложилось. Он был бандитом, и я гордился дружбой с сильным человеком. Мы купались, загорали, вспоминали учебу. Было хорошо, и я напивался вполне пристойно, в меру блистая красноречием и шутя безобидно, по-доброму. Море спокойно плескалось у наших ног.

Затем я проводил друга и, обнадеженный будущими общими делами, пошел в магазин. Так бывает, что выпитого не вполне хватает и душа «требует продолжения банкета». Мага-

зин располагался на остановке поезда, и уже темнело, когда я, купив сигарет и бутылку водки, увидел двух людей, стоящих поодаль. Я вдруг понял, что недоговорил о чем-то и, возможно, недопил немного, шагнул им навстречу без всякой опаски, словно к старым приятелям.

Мой друг был спортсменом. Он занимался карате, боксом, затем тайским боксом. В начале девяностых наступило золотое время «бандитов». Это были не те страшные люди, грабящие и убивающие ради призрачного обогащения. Теперь так называл себя любой уважающий себя пацан. Боксеры, борцы, каратисты и даже ушуисты создавали команды для отъема денег у предпринимателей и бизнесменов. А еще были уголовники, но они всегда держались в тени и были скромнее. Сказывалось, наверное, суровое лагерное воспитание. С другом мы дружили еще с момента учебы в техникуме. Делили в общежитии кусок хлеба да стакан вина. Его рассказы о тяжелых буднях рэкетира я воспринимал не вполне серьезно, но когда у него на перекрестке в областном центре взорвали машину, я задумался. Хотя история со взрывом была рассказана с юмором. Дескать, вез дочку в школу, ближе к перекрестку начал притормаживать и услышал хлопок под днищем. Выскочил, через заднюю дверь достал живую и невредимую дочку и отбежал в сторону. Уже в машине скорой помощи достал несколько осколков из руки. Оказывается, под днищем взорвалась ручная граната, привязанная проволокой. Так она и прыгала по асфальту, пока чека не выскочила. Машина сгорела. Постепенно его жизнь стала обрастать «подвигами», деформироваться и менять направление. Он успел поседеть в тюрьме, побегать по стране от доблестной милиции. Зато он знал смотрящих в городах нашей родины, носил кепку Кумарина, питерского мафиози, и дружил с главным бандитом Литвы. Но для меня он остался другом юности. Так мы и встретились с ним на побережье. Он купил мне бутылку водки, и я пил, разговаривая с ним на близкие нам темы. На этот момент я уже отдал ему деньги от продажи квартиры, и периодически мы обсуждали планы нашего с ним совместного дела. Например, рубить лесные делянки и продавать спиленную древесину. Или покупать спирт и продавать его налево. Все было банально, по-русски. Ничего не делать и все иметь. Только я заметил, что стал терять интерес к жизни. Это выражалось в пренебрежении своей внешностью. Я стал меньше бриться, стирать одежду, стричь ногти и волосы.

— Тебе надо постричься... — друг деловито достал из кармана несколько купюр и отдал мне. — Я скоро еще заеду. Дело идет помаленьку...

Он сел в свой BMW и уехал, оставив на дороге садоводческого товарищества шлейф горькой пыли.

Мне всегда казалось, что для полноты и радости жизни много слов — это лишнее. Все эти эмоциональные монологи, сдобренные избыточными поверхностными знаниями, ведут в тупик при наличии отсутствия собеседника. Вроде формально ты видишь его, сидящего напротив, и он даже иногда кивает головой в знак вдумчивого одобрения или внимания. Только скрытое разобщение расщепляет сознание на миллионы не связанных между собой частиц. Эти молекулы совершают бесконечное броуновское движение, взаимодействия иначе, чем в старые добрые времена. Сознание трансформирует их с пользой для себя, побуждая личные, эгоистические начала. Казалось бы, коммуникации современного мира достигают высот больших, почти немислимых, позволяя общаться в любой точке мира, в каждую секунду получая и передавая информацию. Любая мысль вмиг становится достоянием мира, а вот в отдельно взятом доме два человека вращаются в почти параллельных вселенных, не думая о гравитации своего мира. У нее было нелегкое детство, лишенное праздников и нашпигованное буднями. Его детские годы остались печальными снами взрослой жизни. И вот теперь они встречаются на кухне и говорят что-то невпопад. Что-то такое несущественное, необязательное к прослу-

шиванию, но необходимое, каждодневное. Какую-то очередную гадость или глупость, и никто не помнит, когда это у них началось.

Дом отца имел внутреннее пространство несколько меньше, чем казалось снаружи. Большая двухэтажная коробка из красного кирпича имела квадратную форму, но окна по фасаду были разбросаны несколько асимметрично. Поэтому казалось, что этажей не два, а три. Во время экскурсии по дому на площадке между первым и вторым этажами обнаружилась комната, окна которой и создавали иллюзию лишнего этажа. Я тщетно искал другие помещения, находящиеся в этой плоскости. Мне мерещилась потайная комната, но я обнаружил лишь комнату для умывания. Отец жил в обстановке былых времен. Громоздкий сервант со стеклянными дверцами хранил в себе фарфоровые чайные сервизы эпохи застоя и наборы хрустальных бокалов из чехословацкого хрусталя. На втором этаже в комнате жены стоял туалетный столик с тройным зеркалом, уставленный шкатулками и флаконами косметики. Еще были кресла необъятных размеров, главная особенность которых заключалась в том, что их вносят в дом в разобранном виде, так как их габариты больше проема двери. Подобная архаичность говорила о постоянстве характера моего папы. В обстановке былых времен ему, вероятно, было удобней и спокойней. Но на кухне я обнаружил кофейный аппарат и задержался возле него.

— Хочешь кофе?

Я вздрогнул от неожиданности. За моей спиной стояла хозяйка дома.

— Можно... Столько кнопок... Как во всем этом можно разобраться?

— Это проще простого...

Уверенными движениями она произвела несколько манипуляций, затем влила воду из бутылки, стоящей рядом с аппаратом, и стала нажимать кнопки в определенном порядке. Аппарат зашумел, и что-то заскрежетало в его глубине. Хозяйка подняла руку и легонько ударила раскрытой ладонью по боковине корпуса:

— Барахлит, зараза...

Она весело посмотрела на меня. Стало слышно, как внутри машины мелется кофе.

Мои первые знакомые в этой новой жизни оказались двумя товарищами, приехавшими на заработки в дачный поселок. Они пили водку из пластиковых стаканчиков в полумраке железнодорожной станции. Даже в теплый летний вечер, когда последние всполохи заката растворяются в море, есть опасность встретить не вполне адекватного, пьяного русского человека, готового расправиться с тобой по вполне неясной причине. На соседней остановке поезда однажды был найден труп человека с колотыми ножевыми ранениями. Рано утром его обнаружили местные жители, идущие на электричку. Алкоголь притупляет инстинкт самосохранения. Недаром во время войны перед большой атакой давали спирт в алюминиевой кружке. Во мне уже плескалось с пяток таких кружек, и душа рвалась в бой. Люди, к которым я подошел, оказались добрыми по своей сути. Уже спустя короткое время мы пели песни и почти обнимались от нахлынувшей на нас пьяной сентиментальности. Мы бродили по ночному поселку и оживленно разговаривали. Я опять говорил о Довлатове, а потом пригласил их к себе на дачу. При пробуждении в состоянии абстиненции, наступившей после выпитого накануне, нам пришлось знакомиться заново. Один из них оказался бывшим хоккеистом, выступавшим когда-то за известный клуб. Его звали Фил. Второй же имел кличку Ленин. Вероятно, он был прозван так за лысую голову, обриту за символическую плату машинкой в районной парикмахерской. Кроме этого, он был наивно прост, что давало ему возможность переносить сложные вещи легко и естественно. Но кличка вождя так и осталась за ним на все время пребывания в поселке.

Первый завтрак в доме отца прошел за большим столом. На отведенное специально в центре стола место мы посадили сына. Он по старой традиции не сидел смирно, а всячески крутился, хватал ложку, махал ей, затем клал на место. Наигравшись, он притих. Были поданы бутерброды и чай для нас и каша для четырехлетнего сына. Примерно так могло быть в доме знатного человека, где специальные слуги приносят блюда с кухни, а затем стоят за спинками стульев и тихонько наблюдают за происходящим. Но здесь все должно быть проще. Я бы заменил претенциозное словосочетание «были поданы» на сказочное «на столе стояли». Центральной фигурой за столом был наш сын. Он словно понимал это и делал все возможное, чтобы нарушить идиллию, вот-вот наметившуюся за утренним приемом пищи.

— А что, он у вас всегда плохо ест?

Отец смотрит на мою жену, слегка наклонив голову вниз. Взгляд исподлобья.

Я насторожился и взглянул на свою жену. Она была до странности невозмутима. Вероятно, волнения, испытанные накануне, закалили ее, придав голосу твердость гранита.

— Он устал после перелета...

— Действительно, что ты... — это хозяйка дома проявила женскую солидарность.

Отец берет кружку с горячим чаем.

— Да при чем здесь перелет? Не занимаетесь сыном.

После этой странной, но ожидаемой прелюдии все стали пить чай.

Лето сглаживает шероховатости существования обездоленных людей. Но я вовсе не считал свою долю утраченной и даже, вопреки всему, купил новенький сотовый телефон. Телефоны только входили в обиход и еще не стали обыденным делом. Чтобы иметь возможность звонить, надо было купить в киоске карточку, стереть защитную пленку и ввести проявившийся код в телефон. Код считывался, и телефон начинал функционировать. Но звонить можно было лишь узкому кругу лиц. Зато я стал похож на солидного человека, испытывающего временные трудности. Фил и Ленин находили небольшие работы и оперативно выполняли их. Вечерами мы выходили на море и располагались на песке, чтобы выпить вина и посмотреть на закат. Солнце садилось поздно, но делало это красочно и ярко, погружаясь в море не спеша, позволяя нам насладиться полнотой происходящего. Все было похоже на большие летние каникулы.

Однажды на вершине песчаной дюны появился человек. Он спустился к нам легкой походкой, держа в одной руке пластиковый пакет. Это был старый друг Фила. Он имел наружность несколько необычную. Обритая наголо голова была слегка вытянута вверх. Угловатый острый нос и тонкие, слегка поджатые губы придавали лицу глумливое выражение. Уши оттопыривались и нежно просвечивали в закатных лучах. Мне показалось, что именно так мог выглядеть средневековый инквизитор, внушающий уважение, основанное на страхе почитания. Он и вправду был странен. В пакете, кроме всего прочего, этот человек носил настоящую гранату. Однажды, спустя несколько месяцев после знакомства, мы с ним, абсолютно пьяные, сидели возле камина на даче и разбирали гранату, а затем собирали ее, вспоминая армейскую службу. В итоге был забыт запал гранаты, упавший вглубь камина. Он напомнил о себе спустя время глухим взрывом, произошедшим в момент розжига камина. К счастью, никто не пострадал. Его называли Гошей, и неизвестно было, имя это или прозвище. У него была мрачная фантазия, определенно завораживающая слушателя. В одной из историй описывался его бывший компаньон, нанявший убийцу для расправы над Гошей. Но убийца выходит на Гошу со встречным предложением о вознаграждении. После этого предатель приглашается в лес для опознания трупа, и, выйдя на полянку, он, к своему вящему ужасу, видит Гошу, сидящего на пеньке и мило улыбающегося своему иуде. Другая история была о его личной бойцовой собаке, которая помогала Гоше зарабатывать на подпольном собачьем тотализаторе. Ее убили злые люди, так и не сумев перекупить пса за большие деньги.

И я тоже стал персонажем одной из кровавых историй этого странного человека, пытающегося изменить равновесие мира. Во время гона лисиц представители местного ЧОПа, скучая на работе, палили по дикому зверю. Затем снимали шкуры, а тела несчастных зверьков выбрасывали в кусты. Гоша выпросил у матерых стрелков несколько мертвых лисиц. Без своих меховых шкур животные выглядели ужасно, но Гоша решил сделать из них шашлык. Опыт не совсем удался, потому что мясо тяжело пахло, и даже собака на соседском участке завывала от ужаса. Но мы пили водку, и нам надо было чем-то закусывать. Тогда Гоша сказал:

— Индейцы, когда хотят стать храбрыми, едят сердце волка. Мы можем стать хитрыми, и знаешь как?

— Надо съесть сердце лисицы...

— Верно...

Сердце лисицы было маленьким, вполне неприглядным и уж точно несъедобным, но в тот момент идея перевоплощения на миг завладела нами. Съев по кусочку мертвой плоти, мы успокоились, видимо посчитав, что хитрость уже у нас в кармане.

Вечером мы собрались в беседке за домом, чтобы отметить встречу. Жарили шашлык и пили домашнее вино из трехлитровой банки. Отец показывал грядки, созданные его личной рукой, на которых зрели томаты, огурцы и баклажаны различных сортов. Сын носился в одних трусах, бросая в меня дикими яблочками, подобранными под деревом. Я не сдавался, отстреливаясь и ловко петляя среди дорожек сада. Моя жена сидела с женой отца в беседке, и они о чем-то говорили вполголоса. Видел ли я идиллию в картинах, нарисованных моим мимолетным взором? Нет. Для того чтобы пойти на контакт, я решил выпить вина. Улучшив момент, я, играя, подвел сынишку к беседке и сдал в цепкие лапы деда. Хотели видеть внука — вот он. Внук был бесподобен, веселясь от души. Он хватал длинные ветки, превращая их в шпаги, поднимал плоские широкие камни, намереваясь бросать их, но был остановлен дружным окриком. Папа, выпив, стал и «милее, и добрей», по выражению Чуковского, превратившись в «нормального Бармалея», восседающего на пластмассовом стульчике и рычащего от удовольствия. Мне бы хотелось, чтобы жена удивленно подняла брови, увидев меня в новой обстановке брутальным в своей стройности тела и в ловкости построения фраз, но она их хмурит. Хмурит брови, но вино от этого лишь слаще, и вот жена отца подносит мне целое блюдо зеленой стручковой фасоли, маринованной особым способом. Я пью вино и ем длинную фасоль. Вновь разговор ни о чем. Темы нейтрального цвета в тени виноградной лозы.

— Помнишь Нелькана? — обратился ко мне отец. — Однажды мы с Сонькиным парнем пили вот здесь, в беседке. Набрались порядочно. Вдруг пес — а он ходил по саду и по дому свободно — подошел к нам и, приблизив морду, сказал: «Хватит пить».

Я уловил на себе взгляд жены.

— Может, вы просто напились, пап?

— Я был пьян, не отрицаю, но и Сергей слышал эту же фразу. Пес не говорил человеческим голосом. Он словно вобрал воздух в свое мощное тело, а потом резко выдохнул. Вот так: «Хватит пить!»

Отец обращался именно к моей жене, ухватив ее мимолетный скепсис. Он продолжал:

— Животные могут научиться подражать различным звукам. Мы ошалели от такого. Собака говорит! Смотрим друг на друга — мол, пора бросать пить. А Нелькан сказал, посмотрел с улыбкой, пошел в сад и лег в тенечке под деревом. Он уже был старый. Через полгода умер.

Отец замолчал, а я подумал вдруг о том, что эта история, пожалуй, самая правдивая и красивая из существующих историй о собаке, которая обнюхивала мои ботинки десять лет назад в аэропорту города Краснодара. Вино вскружило мне голову, и говорящий пес стал

таким реальным, что я украдкой огляделся вокруг, ожидая тени или иного знака скрытого присутствия большой собаки. На балке беседки сидел большой зеленый кузнечик и шевелил усами.

А вечером сын громко закашлял, приехала скорая, и мы очутились в больнице. На дворе была полночь. Я возвращался в дом отца один, пробираясь по абсолютно темным улицам, не ведая пути и страха, окутанный летним теплом, бредя около подножья Кавказского хребта, и мне было немного грустно. Похожее случилось со мной в момент полного одиночества морозной зимней ночью, когда я брел вдоль железнодорожного полотна и, распарившись от ходьбы, заглядывал вверх в смутной надежде, а на небе звезд было видимо-невидимо. И я остановился, зачарованный небосводом. Потом, привыкнув к одиночеству, я стал сторониться шумных бессмысленных компаний и тихо грустить, созерцая небо или море. Или вот ночь, полную тишины и покоя. В кармане зазвонил телефон. Иная реальность.

Обеды следовали за завтраками. Последовательность имела естественный ход, ведь кому придет мысль поменять все местами? Время приема пищи было и временем общения между гостями и хозяевами дома. Много лет я не был за столом с отцом. После смерти мамы прием пищи превратился в нескончаемую одинокую трапезу. Наверное, я потерял навыки общения и теперь натужно пытался поймать нить разговора. Оказалось, что все не были готовы говорить открыто и непринужденно. Поэтому было решено приготовить мясо, замариновав его определенным краснодарским способом, и выпить домашнего вина. Вечером еще стояла южная жара, но солнце склонилось к горизонту и тени деревьев уже спасали от лучей. Мы пили вино из больших прозрачных стаканов, чокаясь с отцом, а я ловил себя на мысли, что вот-вот — и наступит долгожданная идиллия, однажды утраченная мною. Я, естественно, острил и умничал, а еще бегал с сыном, пытаюсь успеть сделать все. Занятие это трудное, но не в таком деле, как отдых. Жена моя ела мясо и шепталась с хозяйкой. Я говорил с отцом. Сын сражался с молодой яблоней, зажав в руке палку. Вино удивительно благотворно действовало на папу. Пропадал скепсис, голос окрашивался в мягкие тона, и, главное, человек на глазах становился добрее, создавая положительную рекламу алкоголю. Собака, о которой он говорил, была породы азиатских овчарок. Его звали Нелькан, и он очень любил своего хозяина, боготворил и боялся его. Но когда отец выпивал, то этот большой пес подходил к нему, несмотря на запрет, клал голову ему на колени и смотрел в глаза озорным взглядом. Отец трепал его огромную голову, и пес был счастлив в этот короткий миг. Хотел ли он предупредить своего хозяина о вреде пьянства или папа просто напился к тому времени, когда пес заговорил заговорил с ним человеческим голосом, неизвестно. Эта история развеселила всех, и больше всех хохотал отец, скорее всего уловив пикантную подоплеку произошедшего.

Лето в дачном поселке пролетело достаточно быстро, хотя такая констатация очевидного факта обычно приходит после мучительно долгого проживания день за днем. Время моей жизни текло иначе, и уклад сильно изменился. Я ходил босиком, в одних шортах и в старой выцветшей футболке. Вдобавок я обрил свою голову налысо, что в жаркие дни приносило ощутимые преимущества. Мои новые товарищи уже слыли мне закадычными друзьями. Я узнал некоторые черты их характера, доселе скрытые от меня. Фил, например, оказался слишком мягким человеком, женщины именуют таких тряпками, хотя клише это обидное и спорное. Ленин проявил взрослую прозорливость и вернулся в город, под крыло своей мамы. Гоша укрывался за своей внешней непроницаемостью и взял манеру шутить по разным незначительным поводам. Вечером мы собирались у меня на даче, готовили еду, пили водку и разговаривали. Эти люди обладали большим количеством свободного времени и не утруждали себя излишним физическим трудом. Заработав энную сумму, они шли в магазин за вином. Если я находился на даче в силу потери всего в своей прежней жизни, то их безделье толкало меня

на мысль, что они похожи на неприкаянных людей, застрявших во времени и пространстве. Их приземленность давала им силы, спасая от тяжелых мыслей. Они помнили себя в какой-то великий период своей прошлой жизни, насыщенный событиями и впечатлениями, где Фил, например, играл в хоккейной команде. Гоша был кем-то сильным и таинственным. Еще один знакомый был бывшим завклубом. Другой — бывшим директором школы. Был строитель, тосковавший по городу Гродно. Литовец, сто лет не бывший в Каунасе. Теперь они были бледными тенями себя прежних. И только Ленин вернулся домой, к маме.

Наступившая осень принесла с собой дожди. Балтийское море стало штормить, раскачиваемое северо-западными холодными ветрами. Фил и Гоша поселились на моей даче. Вернее, это была дача моего товарища, и время нахождения здесь могло прерваться в любой момент. Видно было, что два этих человека входят в какое-то сомнамбулическое состояние, когда поступки и мысли затормаживаются. Они просто сидели на даче, словно какие-то полярники на далекой заснеженной станции, затертой льдами, в замкнутом пространстве зимовья. Спустя совсем короткое время между нами начались ссоры. Конфликты рождались буквально на пустом месте и, вполне возможно, были бы затяжными, если бы я не решил начать рубить гордиев узел. Благо это не был сук, на котором я сидел. Я предложил каждому из них вернуться к себе домой. «Казалось бы, что здесь сложного?» — говорил я им, но они смотрели на меня с некой печалью обреченных полярников. Мне впервые показалось, что я вижу неразделенную тоску несчастных мужчин. Что же тогда делать мне? Ведь это был мой бенефис одиночества, и я ни с кем не хотел его делить. Вот как бывает. Тогда я рассказал Филу и Гоше, что хозяин этой дачи — капитан милиции, работающий в местном уголовном розыске. Затем я просил их пожалеть меня, ведь я жил на птичьих правах. Я пробовал увещевать, а оказалось, что надо было просто закричать на них, в сердцах обрисовать горькую правду их «падения» и призвать мужественно принять данность. Только тогда они собрали вещи и ушли на автобус. Через несколько дней наступала зима.

Рождение дочери произошло в областном перинатальном центре, куда мы с тещей загодя поместили жену. Жена укоряла нас, желая еще побыть в родных стенах, но моя уверенность успокоила и на время укрепила сознание беременной женщины. Больше всего мне не хотелось повторения ночной драки с семидесятилетней дежурной акушеркой в решающий момент схваток, как было с женой в первый раз, при рождении сына.

Сходив в машину, я достал из багажника вещи, собранные накануне, и вернулся в приемную комнату перинатального центра. Жена всегда волновалась не в меру, порой переходя некие разумные пределы. Здесь важна твердость врача, постороннего человека, который вернет ее в сознание, и, к счастью, такой человек появился из-за заветной двери с надписью «Родильный стационар».

— Так, мамаша, давайте берите вещи и вперед...

Куда вперед, не знал никто, и жена, с печальной жалостью посмотрев на меня в немой надежде, исчезла в направлении, указанном строгой докторшей.

Я знал, что урагана уже точно не будет. В буре рождаются мальчики, а вот девочки выходят из морской пены теплого моря. Именно первого марта и родилась дочка, став настоящей весной нашей жизни.

Жара на Кубани стояла мучительная. В городе, в котором жил отец, спрятаться от солнца можно было лишь в магазинах. Система кондиционирования охлаждала воздух внутри помещения, и я забегал с улицы, словно из парильного отделения бани в прохладную прихожую с бассейном. Здесь, в магазине, я покупал гостинцы и ехал на маршрутном микроавтобусе в больницу к жене и сыну. Стоило прилетать за тысячи километров, чтобы торчать в мест-

ном стационаре, — этого я не принимал, но такова была действительность. Город большие смахивал на большую станицу, где одно- и двухэтажные дома за забором тянулись тесными рядами, улица за улицей, пересекаясь, двоясь, меняя направление или завершаясь совершенно нелогичными тупиками, и даже кладбище посреди улицы смотрелось неожиданно, но вполне органично. Эта и была станица — место, где когда-то витал дух свободы казачьего люда, защищавшего границы нашего Отечества. Иногда я специально выходил из маршрутки и шел просто наугад, рассматривая дома, наблюдая собак за ребрами заборов и вглядываясь в лица местных жителей. Много лет назад я тоже жил в станице, расположенной на берегу Азовского моря. Это были времена моего детства, но некоторые эпизоды той жизни отразились в моих взрослых снах беспокойными видениями. После скоротечного развода моих родителей все кардинально изменилось в моей жизни и фатально — в судьбе моей мамы. Так я очутился на берегах Балтики. Можно сказать, что я путешествовал от моря к морю. Поэтому тем летом я и ходил по бесконечным станичным улицам, словно плутая по лабиринтам своих снов. Казалось бы, в этот раз я мог посетить места детства, но обстоятельства не сложились или просто не настало время этого свидания.

Если я говорю со своей женой, то совсем не обязательно мои сентенции будут поняты должным образом. Правила тайной игры позволяют менять смысл сказанного, даже если рядом с фразой нет звездочки, предупреждающей о сноске в конце страницы. Современная женщина не желает растворяться в мужчине и становится его тенью, жертвовать собой, восходить на эшафот и тайно плакать по несправедливо попанной женской доле. Или того горше — пойти за милым на каторгу по занесенному снегом восточному тракту.

— Надо ставить чайник на большую конфорку... — Жена подходит к плите, выключает огонь конфорки, на которой стоит чайник, поставленный мной, и переставляет его на конфорку диаметром больше, а затем включает ее. Чайник охватывает голубоватое пламя природного газа.

— А зачем ты переставила чайник? — Я искренне возмущен. Мне кажется, что попанны мои права человека, поднявшегося с постели раньше.

— Здесь вода закипает быстрее... Ножи надо убирать со стола... — Жена берет небольшой нож, лежащий на столешнице у раковины, и вставляет в специальную подставку. — К ссоре...

Она находит нужное решение, господствуя исподволь, словно барыня, случайно зашедшая на кухню к холопам.

— Спасибо, что за чуб не отгаскала...

— Все шутишь, а уже пора ехать.

Эти слова я слышу уже из ванной комнаты, где наносятся последние штрихи макияжа. И почему я решил, что надо непременно на каторгу? Да по восточному тракту, да по снежку, да в кандалах.

В больнице кубанского города окна палаты выходят на местное кладбище. Ирония случайного соседства создает вполне философские цепочки, в которых фигурируют слова типа «рождение», «болезнь», «смерть». Слово «смерть» не вполне благопристойно, но неизбежно, и кресты за железными оградками навязчиво сигнализируют об этом. Но мы собираемся жить дальше, мы в самом начале коллективного жизненного пути, и пейзаж за больничным окном всего лишь один из миллиона увиденных или тех, которые мы еще увидим. А вот то, что на окнах палаты нет жалюзи и полуденное солнце беспощадно палит не щадя никого, — плохо. После недельного нахождения жены и сына в стационаре нас выписали, и я пришел получать документы в помещение администрации. Окна в этом крыле здания выходили во внутренний двор, поэтому в помещениях была естественная тень. Я постукал в дверь приемной и, не

дождавшись ответа, шагнул внутрь. В помещении было прохладно, жалюзи на больших пластиковых окнах создавали успокаивающий полумрак. Из смежного помещения вышла молодая женщина в белом халате:

— Что вы хотели?

— Мне бы выписку для предоставления в поликлинику...

— Фамилия...

Я назвал фамилию, и женщина, присев за стол, склонилась над бумагами. Я стоял у двери и пристально рассматривал элегантные и стильные жалюзи на окнах. Вот ведь какое дело. В детских палатах мамы с детьми маются от южной жары, пытаются с помощью простыней бороться с палящими лучами солнца, а здесь, в руководящих кабинетах, висят новенькие и современные жалюзи, ограничивающие подачу тени с внешней стороны окна. «Как же мы не любим друг друга в этой великой стране», — думалось мне в короткую минуту стояния у двери.

— Готово... — молодая женщина приглашает меня расписаться в журнале и вручает выписку.

Я просматриваю документ и затем поднимаю взгляд на женщину:

— Позвольте вас спросить...

— Да...

— Вот эти жалюзи на окнах.... Вы знаете, что в палатах голые окна и стоит сильная жара?

— Эти вопросы не к нам, а к администрации города.

Я смотрю в глаза женщины и вижу недобрую поволоку; хотя чего я хотел, понимания? Примерно этого ответа я и ждал. Слава богу, мы покидаем стены этой больницы. Это, может быть, замечательная больница и здесь прекрасно лечат. А еще, может быть, здесь соревнуются за право называться лучшими. Ведь трудности должны закалять и делать сильнее.

Вновь потекли отпускные будни в доме отца. У папы был особый распорядок. Днем он работал в парнике, установленном в саду. Окучивал, затем поливал растения, попутно объясняя тонкости огородного дела. Затем пил чай и читал свежие газеты. Просматривал по телевизору новости центральных каналов и спал после обеда. Возле телевизора я и общался со своим папой. Спортивная тема была единственной, где наши общие познания создавали возможность разговаривать. В эти дни шел чемпионат Европы по футболу, и мы вместе с отцом сидели на диване, активно просматривая матчи нашей сборной, которая даже смогла выиграть у голландцев, что вызвало нашу общую радость. В финале играли Испания и Германия.

— Немцы победят. Они мощные, опытные, разве это не видно?

Отец любил говорить громко. Я же пошел от противного, выразив сыновнюю непокорность, предположив, что победят испанцы.

— Что, специально за испанцев болеешь, назло?

— Нет, почему?

— Ладно-ладно... Вот увидишь...

В итоге выиграла Испания с минимальным счетом 1:0.

— А ты прав оказался... Что, завтра поедem на море? Поживете в квартире, отдохнете... от нас...

Я был только за, потому что жена и сын заскучали, жара не проходила и все чаще вспоминался дом, засверкавший вдруг почти идеальными красками.

Зиму в дачном поселке я встретил в полном одиночестве. Еще была кошка, приходившая ко мне ночевать. Нрава она была дикого, но доброго и вполне деликатного. Я видел ее

аскетизм, делающий нас похожими друг на друга. Обычно я покупал несколько банок дешевых рыбных консервов и угощал ее, лишь только она приходила. Ела кошка немного, а затем забиралась мне на грудь и засыпала, опершись на все четыре лапы и обратившись лицом ко мне. Так спят маленькие котята, взятые на воспитание человеком. Им, верно, в грубых и широких человеческих скулах чудится мама, и они урчат, вполне согретые человеческим теплом. Было очевидно, что кошка искала моей поддержки, а оказалась невольным компаньоном в душевном одиночестве. Вторым существом была крыса, живущая под полом дачи. Крыс я боялся, помня общение с ними еще с армии. Наряд в караул длился почти сутки. Режим постоянного бодрствования, разбавленный короткими промежутками тяжелого сна, вводил порой в почти сомнамбулическое состояние. В автопарке во время ночного караула я вышагивал по периметру забора, борясь с непреходящим желанием уснуть. Часть пути пролегла мимо хоздвора, где держали свиней в специальных деревянных загонах. Когда я смотрел сквозь забор на этот двор, то видел огромных крыс, обитающих в загонах. Они были такими большими, что казалось, будто крысы ходят на задних лапах. Это видение заставляло крепче сжимать цевье автомата. Крысу, живущую на даче, я видел редко, но ее присутствие ощущалось постоянно. Это были шуршание, слышимые попытки найти еду или просто звуки своеобразной, невидимой мне жизни. Кошка тоже водила ушами и даже выходила на кухню, следуя инстинкту охотницы, но затем успокаивалась. Возможно, она тоже боялась крысы. Иногда я бросал в щель между досок кусочки хлеба. В этой странной компании мы и начали зимовку.

За окнами дачи падал снег. Температура на термометре неумолимо опускалась вниз, суля крепкий мороз. Снег мгновенно скрыл все огрехи осенней сырости. В эти несколько дней моя рефлексия, достигнув пика, трансформировалась в печаль о потерянном прошлом. Само прошлое было безусловным в своей монументальности, но вечная неуверенность не давала мне покоя. Я ясно понимал, что погибаю, увязнув в аморфности своего разума. Сидел у окна, и мне всего только и оставалось, что следить за движением снежинок. Почему-то вспоминалась фраза «тщета жизни»; забавная по своей сути, она вызывала улыбку, что было еще ужасней. Такой цинизм должен был стать тревожным сигналом, и я вдруг захотел выпить. Пойти в магазин, взять вина и выпить его всё, до последней капли. Я встал, оделся и вышел на улицу. Остановившись на пороге, открыл ладони так, чтобы снежинки ложились в руки, словно хотел набрать их немного про запас.

В магазине оказались посетители, и я, отойдя к боковому прилавку, стал разглядывать выставленные на стеллаже бутылки с вином. Денег у меня не было, но я знал продавщицу, пусть и шапочно, и это давало мне шанс. Было дешевое вино, которое пользовалось определенной популярностью из-за своего объема. Это были литровые бутылки, на которых была наклеена этикетка с изображенным на ней улыбающимся Юрием Гагариным. Рисунок был явно сделан с известной всему миру фотографии. Открытая и обезоруживающая улыбка героя была цинично использована бутлегерами для рекламы дешевого вина. Вино так и называлось — «Гагарин». Это была абсолютная бормотуха с приемлемой ценой и нормальным опьяняющим действием. И, что самое интересное, реклама действовала.

За спиной хлопнули входные двери. Я обернулся на звук и увидел Гошу.

— Привет! — он скинул с головы заснеженный капюшон куртки. — Что стоишь, пойдем выпьем за встречу! Ты что будешь?

Перебравшись через Шаумянский перевал на автомобиле, мы спустились по серпантину к Черному морю. Был месяц июль, море простиралось перед нами, и было видно из любой точки, где только мог находиться наблюдатель. От голубой глади рябило в глазах, огромная природная чаша воды манила к себе страждущих с неимоверной силой. Мы тоже жили на море. Это холодное море, и его силуэт угадывается где-то за домами или соснами, растущими

на песке. К нему надо пройти по лесной тропинке настолько близко, что только тогда море открывалось тебе, и оставалось лишь спуститься с дюны и подойти к воде. Однажды на вокзале приморского города меня остановили туристы. «Молодой человек, подскажите, как пройти к морю?» Они выглядели растерянно. «Море?» — сначала я не понял сути вопроса и невольно огляделся, скорее машинально, а затем спросил, откуда гости. «Из Магадана». Такой географический сюрприз заставил меня улыбнуться, и я простер руку в направлении их будущего движения и повел этой рукой, охватывая воображаемый масштаб. Гости из Магадана внимательно следили за кистью моей руки, как за неким откровением. «Любая дорога, идущая в этом направлении, приведет к морю». И они пошли к морю по улице Льва Толстого.

Мы же видели Черное море как на ладони, прямо перед собой, великолепного лазурного цвета. Оно, как общее достояние, преподносило себя любому страждущему, независимо от возраста и пола, вероисповедания и национальности, и страждущие стремятся спуститься по горной тропе к узкой полоске берега, именуемой пляжем, и войти в теплые воды.

Вечером снег перестал падать и температура воздуха опустилась до неприличной. Я сидел в доме и пил вино с Гошей.

— Вот, видишь, ремонтом занимаюсь. Ты когда выгнал меня, я сначала очень злился на тебя, а потом... — Гоша взял бутылку и вылил остатки вина в кружки. — Домой приехал, а в прихожей зеркало висит. Я, значит, подошел, куртку снял и в зеркало это взглянул ненароком. Смотрю, блин, а у меня лицо серо-зеленого цвета. Как у покойника. Давай выпьем?

— Давай...

Мы подняли кружки и выпили. Гоша сидел прямо предо мной. Неизменно остриженная голова обнажала неровности его черепной коробки. Почему-то я подумал, что профессор Ломброзо не прошел бы мимо этого экземпляра. Но, независимо от предполагаемых его теорией выводов, сегодня этот странный человек был мне симпатичен. Я даже мысленно простил его напускную кровожадность, и мне захотелось погладить его острый череп, будь он неладен.

— Гоша, я тебе так благодарен...

Он удивленно приподнял брови, при этом непроизвольно шевельнув ушами.

Я от души засмеялся. Гоша оглядел пространство столика:

— Что, больше нет ничего?

— Последнее выпили...

— А где в эту пору можно купить чего-нибудь эдакого?

— Говорят, есть одно место в Каменке, где торгуют самогонкой... Но я точно не знаю где...

— Одевайся...

Снег искрился в свете уличных фонарей. Мы шли по пустынной дороге ночного дачного поселка. Было очень холодно, и я увидел, как борода Гоши покрылась инеем.

— Ты на свою бороду посмотри!

Своей бороды я рассмотреть не мог и холода не особо чувствовал, вернее куртку я закрыл на молнию, а вот летнее псевдотрико особо не грело, и ноги стали замерзать.

— Мы похожи на героев Джека Лондона. Читал его?

При каждом слове изо рта вырывался густой пар. Путь, по которому мы шли, был нам известен, но лишь до пересечения с основной дорогой.

— Да я просто зачитал книгу Лондона до дыр... Это были мои герои... Ты понимаешь меня? — Гоша внезапно оживился. — Малыш и этот, Белью... Смок Белью... А ведь мы действительно словно на Аляске сейчас...

— На Клондайке... Вдвоем морозной ночью, и никого вокруг...

— Только льды и снега...

Поймав нить разговора, мы брели по заснеженной дороге, даже не заметив, что закончились уличные фонари и естественный мрак ночи поглотил нас. Но теперь снег отражал свет диска луны, висящего на чистом ночном небе, и дорога была словно на ладони. Холод уже начинал сковывать нас, когда мы вошли в соседний поселок.

— Какие будут предложения, Малыш?..

Остановившись друг против друга, захваченные пленом ночи, мы были почти у цели, но как найти эту цель, нам было неизвестно. Я предположил:

— Может, надо постучать в окно первого попавшегося дома?..

— Верно...

Гоша развернулся и, пройдя через дорогу, скрылся во дворе дома. Я услышал, как залаяла одинокая собака, почуяв чужака. Затем раздался стук в дверь. Происходящее было за пределами моей видимости, и я прохаживался вперед-назад, ощущая от внезапной остановки холод ног. Спустя несколько минут Гоша уже шел назад, медленно раскачиваясь всем телом:

— Всё найс, Малыш...

Мы остановились под огромным деревом, на голых ветвях которого лежал снег. Гоша достал из-за пазухи бутылку и открутил крышку. С ветвей дерева нам на головы посыпались невесомые белые снежинки. Из бутылки пахло сивухой, и мы стали пить по очереди, делая быстрые глотки и закусывая теплым яблоком, вытасненным из-за пазухи.

Обыденность жизни кристаллизуется по утрам. После короткой фазы предрасветного сна, несущей самые яркие сновидения, приходит пора вставать и начинать день. Где-то я читал, что проживание жизни день за днем есть главный подвиг человека. Здесь, видимо, подразумевается рутина жизни, которая заедает, наполнена скукой и непониманием происходящего. Из всех членов нашей семьи самой легкой на подъем является дочка. Как только она научилась ходить, ее день начинался в районе шести часов утра. Она ползала по кровати, искренне не понимая, почему мы спим. Видимо, об этом она мурлыкала на своем особом языке, пытаясь пробудить нас от тяжелого сна. Сын, напротив, находится в постели до последнего, словно ожидая горна, трубящего о подъеме. Он относится к жизни осторожно, отдавая инициативу в руки близких людей старшего поколения. Этим представителем старшего поколения являюсь я. И если с детьми все, в общем-то, понятно, их ждет нормальное будущее (какой родитель не верит в это?), то у нас с женой процесс подъема сопряжен с бесконечными личностными особенностями. Это можно назвать привычками, самой страшной из которых является подъем «не с той ноги». Его разрушительная сила схожа с психической атакой белогвардейских офицеров в фильме «Чапаев». Вопрос, в чьих руках окажется долгожданный пулемет, всегда открыт. Иногда кажется, что семейное счастье так близко, буквально за теми горами, над которыми встает новое солнце.

Вечером в кафе на побережье Черного моря отец доводил мою жену до слез. Она оправдывалась, делая явную ошибку, тем самым «раздраковывая» отца. Это давало ему непревзойденный гандикап. Я наблюдал, как папа привычной манерой наносил словесные удары, сам не ведая их силы. Хотя что он говорил такого? Ну, посетовал, что у нас мало образования. Затем изложил, что это явная причина отсутствия общего знания. Соответственно, это влияло на статус в обществе. Как следствие, что мы можем дать своему ребенку? Логика давала ему возможность импровизировать, но он мог это делать только лишь до определенного момента. Дальше, по его же мысли, у отца не хватало образования. Он даже пытался извиниться, увидев слезы на щеках женщины, но вечер был испорчен. Мне было сложно понять, почему жена так расстроилась, но я испытывал неловкость за папу, который пил пиво, радовался внуку и пророчил всякую ерунду. Впрочем, все было в его любимом стиле. Было уже темно, и теплый воздух нес морскую прохладу. Отец, допив пиво, засобирился и ушел в

темноту. Он ночевал у друга, оставив нам в полное распоряжение однокомнатную квартиру. Я посадил сына на плечи, и мы пошли по едва знакомому маршруту, поднимаясь в гору по асфальтированной пешеходной дорожке, ведущей к пятиэтажной хрущевке, расположенной посреди горы. Уже в квартире жена дала волю своей праведной мести, высказав мне все, что хотела бы сказать моему отцу. Пусть будет хотя бы так. Это ее маленькое право.

Рано утром солнце уже осветило этот мир ярким светом, оставалось лишь высунуться из окна, чтобы подмигнуть ему глазом. Небо было совсем рядом в своей девственной синеве, вокруг были горы, и по ним были разбросаны дома, в которых еще спали местные жители, отдыхающие и командировочные. Жена была спокойна; она уже успела загореть под южным солнцем и теперь была похожа на скво, индейскую женщину, красивую и определенно тоскующую о непостижимом из миров.

— Когда пойдём на море?

— Ну, часов в двенадцать...

В двенадцать часов дня асфальт под нашими ногами плавился и проминался, словно пластилин. На раскаленных камнях побережья сидели и лежали люди, укрывшись от палящих лучей с помощью больших и малых зонтов. Море кишело страждущими, ищущими пролады в прибрежной воде. Особенности такого экстремального отдыха быстро охладили наш пыл, заставив бежать обратно, под защиту толстых стен квартиры. В комнате висел кондиционер, на который еще недавно я смотрел с нескрываемым удивлением, а теперь мы с женой мигом нашли пульт и запустили прибор. Повеяло ледящей прохладой, и остаток дня мы провели на диване, просматривая музыкальные каналы и собирая с сыном конструктор из маленьких пластмассовых деталей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.